

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Крис Юэн

Прибежище

Москва
2016

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Ю99

Chris Ewan
SAFE HOUSE

© Chris Ewan, 2012
This edition published by arrangement with Sheil Land Associates
and Synopsis Literary Agency

Оформление серии *А. Саукова*
Иллюстрация на суперобложке *В. Коробейникова*

Юэн, Крис.
Ю99 Прибежище / Крис Юэн ; [пер. с англ. И. Данилова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (DETECTED. Тайна, покорившая мир).

ISBN 978-5-699-85750-0

Роб Хейл очнулся в больнице после аварии. Он серьезно пострадал, но еще больше его беспокоит состояние пассажирки — едва знакомой девушки, с которой они катались на мотоцикле. Вот только полицейские и врачи в один голос убеждают его, что на месте крушения больше никого не было, что забравшей девушку машины «Скорой помощи» не существует и что ложная память — обычное явление при травме головы. Он уже и сам готов поверить, что выдумал незнакомку, когда в дело вступает женщина-сыщик, которая верит ему. Та обещает помочь пролить свет не только на этот странный инцидент, но и на тайны сестры Роба, недавно погибшей при более чем сомнительных обстоятельствах...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-85750-0

© Данилов И., перевод на русский язык,
2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Справка об острове Мэн

Остров Мэн расположен в Ирландском море приблизительно на полпути между Озерным краем Англии и Северной Ирландией. Остров самоуправляемый, со своим парламентом и своими законами, а также с отдельной, самостоятельной полицией.

Каждый год в конце мая — начале июня остров принимает у себя двухнедельные соревнования по гонкам на мотоциклах на приз «Турист Трофи» (они так и называются — «ТТ»). Это заезды на время. Трасса проходит по обычным шоссе и дорогам, ее длина 37,7 мили. Мотогонки «ТТ» — одни из самых зрелищных и опасных в мире. Ведущие гонщики показывают здесь скорость до двухсот миль в час, а средняя скорость при прохождении этапов трассы достигает ста тридцати одной мили в час.

Остров имеет тридцать две мили в длину и четырнадцать миль в ширину. Население составляет восемьдесят тысяч человек, и ни один из жителей не послужил прототипом для героев этой книги.

О катастрофе я не помню почти ничего. Слишком быстро все произошло. Так оно обычно и бывает, когда мчишься на мотоцикле. Что я успел запомнить, так это грохот. Оглушительный удар, сопровождаемый сильным вибрирующим звуком. Потом глухой скрежет сминающейся передней вилки. Визжащее завывание мотора, когда заднее колесо подскочило в воздух и катапультировало меня вперед, через руль.

И еще я помню вскрик Лены. И то, как ее руки сжимали мою талию, прежде чем соскользнуть. А также треск и хруст наших столкнувшихся шлемов.

По крайней мере, мне кажется, что я это помню...

Часть первая

Глава 1

Докторша была молодая. Слишком молодая. Она выглядела бледной и измученной, вымотанной, словно сама нуждалась в госпитализации и длительном отдыхе. Под глазами залегли синевато-лиловые тени, а мою медицинскую карту она сжимала в трясущихся, непослушных руках и изучала будто пьесу, которую ей необходимо выучить наизусть. Губы докторши шевелились, когда она разбирала написанные в карте слова.

— Вы попали в аварию. Упали с мотоцикла. — Доктор подняла взгляд, и ее покрасневшие глаза увеличились за стеклами очков.

Я сдвинул со рта кислородную маску.

— Это не шутка?

— И потеряли сознание.

Я сглотнул. Такое ощущение, что горло ободрано и все опухло, как будто в него что-то проталкивали или пропихивали, пока я лежал в отключке: наверное, дыхательную трубку.

— На сколько?

Доктор посмотрела на настенные часы, висевшие в углу. Сделала пометку в медкарте.

— Вы провели без сознания почти семь часов. До того, как в первый раз пришли в себя.

Семь часов! Видимо, произошел какой-то временной сдвиг. Со мной такое уже случалось, но, без сомнения, этот сдвиг — самый скверный и длительный.

— В первый раз? — переспросил я.

— А вы не помните?

Оторвавшись от подушки, я помотал головой.

— Что ж, это вполне нормально. Все в порядке. Меня зовут доктор Гаскелл. Мы разговаривали полтора часа назад. Вы тогда пришли в себя, очень ненадолго.

Я покопался в мозгах, но так ничего и не вспомнил. Перед глазами все расплывалось, словно веки намазали вазелином. Я поморгал, и комната сместилась куда-то вправо.

— Не беспокойтесь, я не обиделась. Кратковременная потеря памяти — вполне обычное явление при травматических повреждениях головы.

— Травматических?

— Попробуйте успокоиться и расслабиться, мистер Хейл. Поспите, если хочется. У вас полно времени, еще успеете все это обсудить со специалистом. Завтра утром.

— Нет, расскажите сейчас. Пожалуйста.

Доктор Гаскелл нахмурилась. Сдвинула очки к переносице.

— А в чем проблема? — спросил я. — Боитесь, что я забуду?

Женщина пожевала нижнюю губу, словно раздумывая и борясь с собой, но потом все же обошла вокруг койки, взяла кислородную маску из моих рук и приладила мне на лицо. Потом достала из нагрудного кармана белого халата фонарик и посветила мне в глаза.

— Так неприятно? — спросила она.

— Больно. Режет.

Мой голос звучал приглушенно. Дыхание конденсировалось на внутренней стороне маски.

— У вас немного затруднена речь, вы невнятно произносите слова. Голова кружится? Перед глазами плывет? Тошнит?

— Все вместе.

Доктор Гаскелл кивнула:

— Придется несколько дней побыть в больнице. Вам сделали компьютерную томографию головного мозга, но нужна еще и магнитно-резонансная. Необходимо проследить, не возникла ли повторно гематома. Но ничего страшного. Зато у нас будет время, чтобы заняться другими вашими травмами.

И без того слабо освещенную комнату заполнила темнота, подобравшаяся из-за спины докторши. Перед глазами заплясали кровавые тени. Я попытался приподняться на постели, но спину будто проткнули ножом. Я застонал и откинулся навзничь.

— Осторожнее! У вас повреждена левая лопатка. — Доктор Гаскелл прижала ладонью мою руку, не давая снова пошевелиться. — Ничего серьезного, просто небольшая трещина. Скоро заживет. Сейчас придет сестра и заложит руку в перевязь.

Я повернул голову и увидел бинты, которыми была замотана моя грудь, от подмышки до подмышки, закрывая ключицу. Поврежденное плечо. Пройдет несколько недель, прежде чем я снова смогу двигаться. Пройдет несколько месяцев, прежде чем я снова смогу поднимать тяжелые предметы. Страшно даже подумать о том, что станет с моими делами, с моим бизнесом. На свете не так много одноруких ремонтников, специалистов по отопительным и нагревательным системам. А последствия для моей карьеры мотогогонщика могут быть еще более неприятными. Похоже на то, что карьера эта закончилась, едва успев начаться.

— У вас еще повреждена пара ребер, — сообщила докторша. — Но в целом вам здорово повезло. На левом боку несколько небольших царапин и ссадин и еще ссадины на ноге, но тазовые кости, колени, щиколотки и ступни целы. И пальцы не сломаны, вот чудо-то! Я видела случаи похуже.

Не думаю, что я ей поверил. И, видимо, выдал эту мысль выражением лица.

— Может, я и младший врач, мистер Хейл, но это же остров Мэн. Мне приходилось лечить более чем достаточно жертв мотоциклетных аварий, уж поверьте.

В тоне докторши слышалось неодобрение, но она была слишком молода, чтобы ее слова производили сильное впечатление. Особенно на парня, который только-только пришел в себя.

— А что с Леной? — спросил я. — Как она?

Брови доктора Гаскелл поднялись, взлетев над оправой очков. Она прищурилась, словно не верила собственным ушам.

А я-то думал, что это *у меня* травма головного мозга.

— Лена, — повторил я. — Моя подруга. Ее увезли в первой машине «Скорой помощи».

Вот это я помню совершенно точно. Такое трудно забыть. Я валялся у края дороги, упершись головой в травянистую возвышенность, идущую вдоль мокрого холодного шоссе. Левая рука была подвернута и неудобно зажата под весом тела. Не знаю, как долго я пролежал без сознания, но когда пришел в себя, то боковым зрением увидел раздолбанное битумное покрытие дороги и мрачные, полные влаги облака, плывущие сверху.

Тут перед лицом возник фельдшер «Скорой помощи» в зеленом комбинезоне и сорвал с меня остатки прозрачного щитка гоночного шлема.

Я попытался привстать, но руки и ноги совершенно онемели. Я велел себе не паниковать: ведь это просто шок.

— С вами все будет в порядке, — пообещал фельдшер. Его волосы были коротко острижены, а под нижней губой виднелась борода. Эта растительность на лице не слишком ему шла, но я вовсе не собирался ему об этом сообщать. — Сейчас еще одна машина подъедет. Девушка сильнее пострадала. Придется забрать ее первой. Вы меня понимаете?

Я тяжело засопел в ответ. Попытался сказать, что со мной все в порядке. И что это правильное решение. Но так и не смог ничего произнести.

Фельдшер пожал мою руку, затянутую в перчатку, чем-то задев кожу на запястье. И ушел. Я услышал, как хлопнула дверь. Перед глазами мелькнуло белое пятно: машина «Скорой помощи» на полной скорости рванула по шоссе. Я остался один в тошнотворной тишине, которая сменилась серым, а потом черным безмолвием.

Следующее мое воспоминание — разговор с доктором Гаскелл. В эту минуту она выглядела обеспокоенной. Даже прикусила нижнюю губу.

— Мне надо сходить кое-что выяснить, — сказала докторша, оглянувшись на дверь.

Я смотрел ей вслед, а в груди вдруг возник тугой комок. «Умерла», — понял я.

Нет, только не это.

* * *

Все как обычно. Стоило мне захотеть провалиться в бездну забвения, как ничего не произошло. Я был довольно слаб, но в сознании. Ужас сковал мой разум.

Лена.

Моя подруга, как я ее называл. Вот только была ли она и впрямь моей подругой? Полагаю, что Лена — не просто клиентка. Нравились ли мне она? Несомненно. Но сколько в общей сложности мы с ней были знакомы? Час? Два? Достаточно долго, чтобы, по крайней мере, почувствовать взаимное притяжение.

И что произошло, когда я увез ее на своем мотоцикле? При нашем первом свидании?

Лена казалась очень оживленной, когда мы мчались по грунтовой дорожке, ведущей от коттеджа. И такой веселой... Шлепала меня по спине, хихикала, когда я набирал скорость и мы неслись под мокрыми от дождя деревьями. Словно для нее это нечто большее, чем просто поездка. Словно это стало чем-то вроде бегства.

Дверь распахнулась настежь, и в палату ввалился долговязый тощий врач. Полы белого халата развевались

и трепетали позади него. Доктор Гаскелл старалась не отставать, но выглядела какой-то потерянной и еще более бледной.

— Мистер Хейл, меня зовут доктор Стэнли.

Включив маленький фонарик, Стэнли направил луч мне в глаза. Похоже, врачи обожают это делать. Я попытался отклонить голову в сторону, но доктор придержал мое веко большим пальцем. И не отпускал его, пока не обдал меня кофейным дыханием.

— У вас травматическое повреждение головного мозга. — Стэнли выпрямился и почесал щетину на подбородке. — Ушиб лобной доли при ударе о тупой предмет.

Я стянул с лица кислородную маску.

— Мне это уже говорили.

— Поэтому будьте готовы к каким угодно побочным эффектам. Головная боль. Головокружение. Тошнота.

— Мы это уже обсудили.

— Нарушение мыслительного процесса. Нарушение когнитивной способности.

Доктор выжидающе уставился на меня, как будто его слова должны были дать некий практический результат. Словно в них заключалось какое-то тайное послание, упрятанное за обычными звуками.

— Я вас понял. Будут всякие последствия. Но что там с Леной? Она ведь не погибла?

Мне стоило больших усилий выдавить из себя этот вопрос. И чувствовал я боль не только в горле.

— Что касается Лены... Вы говорите, она ехала вместе с вами на мотоцикле? И тоже попала в аварию?

— Ее увезла первая машина «Скорой помощи». И это правильно, она ведь пострадала гораздо сильнее, по словам фельдшера.

Доктор Стэнли сделал длинный выдох. Его плечи поникли.

— Дело в том, мистер Хейл, что никакой другой машины «Скорой помощи» не было. И вы — единственный, кого обнаружили на месте аварии.

Глава 2

Когда на следующий день прибыла полиция, со мной в палате сидели родители.

Почти все утро они провели здесь: ладонь отца лежала на моей ноге, а мама держала меня за руку. Приятно, конечно, что они приехали, однако больше всего на свете я бы желал, чтобы все это прошло мимо них. В последние несколько недель всем нам здорово досталось, и я знал, что лишние волнения и заботы им сейчас ни к чему. Вряд ли жизнь когда-либо вернется в прежнее русло — говоря по правде, я сильно в этом сомневаюсь, — однако хоть какое-то равновесие все же стало намечаться. Какой-то выход для всех нас. А я взял и разрушил хрупкий фундамент того нового будущего, которое мы только начали создавать.

Друзья семьи говорили мне, что родители поживают вполне неплохо. Что время все лечит. Что вскоре все наладится окончательно. Но я-то смотрю на это иначе. Совершенно очевидно, что родители утратили некий свет внутри. Горечь потери особенно читается в их глазах, хотя в последнее время они редко встречаются со мной взглядом. И впечатление при этом такое, словно смотришь на драгоценные камни, которые затерлись до такой степени, что вовсе перестали блестеть. Зрачки сделались какими-то тусклыми и плоскими. Будто разучились видеть и ничего не пропускают внутрь.

Возможно, эту перемену было бы легче принять, если бы та искра, что проскакивала между родителями раньше, не была столь яркой. Может, это звучит смешно, но мои родители являли собой живое воплощение романтической истории. Мама, живая и трепетная рыжеволосая девица из Скауса, в возрасте девятнадцати лет наплевала на все пожелания собственного папаши и сошлась со странным типом с острова Мэн. Она поселилась с ним на этом продуваемом всеми ветрами утесе посреди Ирландского моря. Надо отметить, что это был не просто странный тип,

но еще и отчаянный мотоциклист, безрассудно смелый сорвиголова, два года подряд выигрывавший гонки на приз «ТТ». Этот парень любил выпить. Любил девушек. Он всегда жил на полную катушку и на огромных скоростях. Или, по крайней мере, был таким, пока не влюбился без памяти в одну женщину. Их брак длится почти сорок лет.

Когда родители поженились, мой дед от них отрекся и лишил наследства. Но сейчас он живет с ними в «Снэйфел-Вью», приюте для инвалидов и престарелых, которым владеют и управляют родители, и у него не найдется слов добрее, чем в адрес моего отца, если, конечно, вручить деду словарь и увеличительное стекло. Я тоже там живу, в перестроенном амбаре на задах, с гаражом сбоку, где мы с отцом раскидываем на части и переделываем мои гоночные байки. Удивительно, как прекрасно все у нас сложилось. Эдакое дружное и любящее семейство, прямо в стиле Уолтонов¹. Может быть, именно поэтому нам в последнее время так досталось. Что-то вроде космической расплаты.

Полиция явилась ко мне в палату около полудня. Их было двое, мужчина и женщина, оба в темных костюмах.

Я взглянул на мужчину. Огромная голова, напоминающая тыкву, отекавшее красное лицо и внушительный живот. Длинные седые волосы закрывали уши и заднюю часть толстой шеи. Темно-синий галстук был повязан небрежно, словно полицейский презирал эту необходимую деталь туалета.

Женщина выглядела помоложе. Сорок с чем-то, может, ближе к пятидесяти. Красивые черные волосы, мальчишеская стрижка, вообще без косметики. На груди вылинявшей голубой блузки — чернильное пятно. Тощая и угловатая, она двигалась резко и неуклюже. В одной руке женщина держала банку диетической колы, на другой лежал сложенный черный дождевик.

¹ Уолтоны — американское семейство, входящее в список самых богатых людей планеты. Владельцы крупнейшей в мире розничной сети Wal-Mart. (Здесь и далее прим. переводчика.)

Отец с ними, конечно же, знаком. Он всех знает на этом острове. Или все знают его. Уж не знаю, как правильное это выразить. Но достаточно одного взгляда, чтобы понять: последний разговор отца с этой парочкой состоялся явно не на дружеской вечеринке в местном пабе и не на обеде в Ротари-клубе. Отец очень медленно привстал, чтобы пожать протянутую ему полицейским руку, так медленно, как будто это рукопожатие могло обернуться нешуточными проблемами.

— Джимми. — Полицейский произнес это мрачным и безрадостным тоном: именно так в последнее время окружающие предпочитают обращаться к моему отцу. — Очень жаль снова тебя здесь видеть.

Говорил полицейский спокойно, взвешенно, как говорят большинство уроженцев острова Мэн, особенно этого поколения. Подобную манеру легко неверно истолковать. Медленная речь обычно предполагает медлительность мышления, свойственную тугодумам. И, как правило, это ошибочное заключение.

Полицейский мельком глянул на меня. Его красные щеки до того раздулись, что глубоко посаженные глаза превратились в щелочки. Трудно было понять их выражение. Но в них явно плескалось осуждение.

— Привет, Мик. — Отец, как какой-нибудь политикан, пожал руку полицейского, положив сверху другую ладонь. — Здравствуйте, Джеки. — Он перегнулся через мою постель и проделал то же самое с рукой женщины.

— Здравствуйте, мистер Хейл. — Джеки стянула ладонь отца, словно та была заразной. — Миссис Хейл. Как поживаете?

Могу поклясться, что почти увидел, как на маминых глазах захлопнулись ставни.

— Превосходно, — ответила она, поджав губы. — Спасибо, что поинтересовались, детектив-сержант Тир. — Тут мама наконец поднялась на ноги, но проделала это крайне неспешно. И даже встав, она имела такой вид, словно из нее медленно выходит воздух. — И вам спасибо, детектив-инспектор Шиммин. Как поживает Джуд?

— Отлично, — кивнул тыквоголовый, но все это время он смотрел только на меня. — Ну что, Робби, здорово приложился башкой, да?

Он говорил таким тоном, будто мы раньше встречались. И вообще были старыми приятелями.

— Надо бы нам побеседовать об этом твоём несчастном случае. Время подходящее?

Можно подумать, у меня есть выбор.

— Мы тоже останемся тут, — сказал папа, сжимая мою ногу вместе с одеялом.

Тыквоголовый всосал воздух сквозь сжатые зубы и привстал на цыпочки, прямо как механик, собирающийся сообщить малоприятные новости насчет накрывшегося движка.

— Боюсь, Джимми, нам придется побеседовать с парнишкой наедине.

«С парнишкой»! Словно я какой-то проблемный подросток, от которого всем одни неприятности и которому следует немедленно сделать соответствующее внушение.

— Но если это просто беседа, Мик, — папа склонил голову набок, — то никакого вреда от нашего присутствия не будет, не так ли?

Шиммин был на добрый фут выше отца. И сейчас, глупо втянув порцию воздуха, он принялся перекатываться с пятки на носок, будто опасаясь случайно вдохнуть и папу. Я и сам высокий, шесть футов два дюйма в одних носках, так что вполне понимаю это ощущение властности, которое придает мужчине превосходство в росте. А отец нынче короче, чем был когда-то: всему виной многочисленные металлические скобки, шурупы и болты, которыми медики в былые времена скрепили раздробленные конечности. Его карьера гонщика закончилась жуткой аварией на горном участке трассы мотогонок на приз «ТТ», когда отец неся со скоростью больше ста миль в час. Ему еще крупно повезло, что та авария не стоила ему жизни.

— Не могу позволить, Джимми. Правила такие, понимаешь? — Шиммин покачал своей громадной головой, как